

полезны для общего ознакомления с современным состоянием научной разработки северного Причерноморья античной эпохи.

Таков перечень работ Сергея Александровича по истории северного Причерноморья за последние годы.

Существенным, однако, является не только то, о чем он писал, но как написаны его работы.

В его исследовательских приемах раскрывается редкое мастерство всестороннего научного анализа. В его искусных руках самые, на первый взгляд, несущественные детали текста превращаются в орудия научного доказательства огромной силы. Поэтому на всех тех участках изучения северного Причерноморья, которыми занимался Сергей Александрович, остаются неизгладимые следы его работы. Мимо его выводов и наблюдений потом уже не может пройти ни один вдумчивый и добросовестный исследователь.

Для всякого стремящегося овладеть подлинно научными приемами анализа исторических памятников быть учеником Сергея Александровича большое счастье и честь.

Д. Калистов

Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны

Нельзя не согласиться с редакцией «Вестника древней истории», когда она в 1938 г. «ввиду большого интереса» решила поместить названную статью С. А. Жебелева на страницах своего журнала, несмотря на то, что 5 лет перед этим эта статья была уже напечатана в «Известиях Академии материальной культуры». Редакция поступила совершенно правильно. В этой работе С. А. Жебелев сделал важное открытие. Автор, вчитавшись в документ, известный специалистам уже с 1878 г. и не раз подвергавшийся обследованию, открыл в нем новый смысл, до сих пор никем не замечаемый. Речь идет о знаменитом высеченном на камне декрете, изданном херсонесским «советом и народом» в честь Диофанта, полководца Митридата Понтийского.

Вот это место декрета в переводе С. А. Жебелева: «Когда скифы с Савмаком во главе произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, выкормившего Савмака, на Диофанта же составили заговор, последний, избежав опасности, сел на отправленное за ним (херсонесскими) гражданами судно и, прибыв (в Херсонес), призвал на помощь граждан. (Затем), имея ревностного сотрудника в лице посылавшего его царя Митридата Евпатора, Диофант в начале весны (следующего года) прибыл (в Херсонес) с сухопутным и морским войском и, присоединив к нему отборных (херсонесских) воинов (разместившихся) в трех судах, двинулся (морем) из нашего города (Херсонеса), овладел Феодосией и Пантикапеем, покарал виновников восстания, Савмака же, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство (т. е. в Понт) и снова приобрёл власть (над Боспором) для царя Митридата Евпатора».

С. А. Жебелев с полной убедительностью доказал: 1) что тут имеется в виду восстание боспорских рабов, которые поднялись против своих угнетателей, возглавляемые Савмаком, рабом, выросшим при дворе боспорского царя Перисада; 2) что восставшие произвели государственный переворот и сделали царем своего вождя Савмака; 3) что восставшие опирались на сочувствие туземного населения; 4) что победа над восставшими далась Диофанту нелегко.

В творчестве С. А. Жебелева здесь важно отметить несколько сторон: 1) почему С. А. Жебелев заметил то, чего не заметил никто из его предшественников, хотя и очень хорошо знакомых с «декретом»? 2) каким путем автор пришел к своим бесспорным выводам? и 3) как понял автор исторический смысл открытого им важного факта?

Умение видеть то, чего не видел никто до С. А. Жебелева, объясняется тем, что С. А. Жебелев подходил к документу, вооруженный теорией. Он ясно представлял структуру Боспорского общества, как общества рабовладельческого и в процессе работы

над источником исходил из этого положения. Поэтому с большой легкостью ему удалось отбросить положение Брандиса о «партийной» борьбе между городом и деревней, якобы вызвавшей в Боспорском царстве восстание скифов-земледельцев против эксплуатировавшего их города. По мнению С. А. Жебелева, тут дело совсем не в борьбе города с деревней, а в том, что, по его словам, в боспорском обществе «давным давно таилась вражда между классом угнетателей и классом угнетенных, между классом господ и классом рабов. Эта классовая вражда вылилась, в конце концов, в открытую классовую борьбу в виде восстания скифских рабов в европейской части Боспорского государства» [ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 63].

С. А. Жебелев до тонкости знает свой предмет. Учитывая политическое и этническое окружение Боспорского царства, этнический состав самого Боспорского царства, он имеет возможность твердо заявить, что восставшие скифы это и есть рабы, работавшие на своих боспорских господах. «Не приходится думать,—пишет С. А. Жебелев,—что на Боспоре пользовались рабами иного, не скифского происхождения». «Таким образом,—продолжает он,—восстание боспорских рабов отличается от прочих одновременных с ним восстаний тем, что в нем объединилось открытое проявление обостренной классовой борьбы с элементами национально-этнического движения». Эти выводы получены С. А. Жебелевым на основании привлеченного им большого материала, взятого из самых разнообразных источников, понять которые в нужной автору связи мог только большой мастер своего дела. С. А. Жебелев здесь становится во весь рост своего таланта и огромного исследовательского опыта.

В качестве одного из блестящих образчиков исследовательских приемов С. А. Жебелева, где автор заставляет отвечать на поставленный им вопрос разрозненные и отрывочные материалы, в разнообразии которых тонули или беспомощно карабкались его предшественники,—следует остановиться на разборе С. А. Жебелевым вопроса о личности и роли главы рабского восстания в Боспоре—Савмака.

Отвергнув обычную в литературе характеристику восстания как дворцового переворота, представляемого личным делом Савмака, к которому де присоединились скифы, С. А. Жебелев дает свое собственное объяснение факту. Филолог и историк, счастливо сочетающиеся в лице С. А. Жебелева, дают ему твердую базу для своего четкого заключения. Текст декрета τὸν περὶ Σάμμακος Σκιδῶν υἱοῦ Σωτηριδαντοῦ, по мнению С. А. Жебелева, ясно говорит, что переворот произвел не Савмак, а скифы, объединившиеся вокруг Савмака. Имя Савмака свидетельствует о том, что он скиф. Кто же этот Савмак? Перед С. А. Жебелевым было около 10 самых разнообразных попыток его предшественников ответить на этот вопрос. Но среди них нет ни одной, говорящей о том, что Савмак раб. Несмотря на различные оттенки в деталях, все авторы, касавшиеся этого предмета, считали Савмака лицом царского достоинства либо по происхождению, либо по усыновлению.

С. А. Жебелев приводит убедительнейшие филологические доказательства, опровергающие эти положения и указывающие, что декрет, применяя к Савмаку термин ἐκδρέφτης, имеет в виду его рабское происхождение. Это доморощенный раб (δρεπτός, οἰχογενής) боспорского царя. Итак, заключает С. А. Жебелев, перед нами «восстание скифских рабов, объединившихся вокруг доморощенного царского раба».

Нам становится ясным, почему С. А. Жебелев понял документ лучше своих предшественников, какими средствами он пробивал новый путь и дал свое яркое и убедительное заключение.

Перед нами историк и филолог с огромными знаниями, которые, однако, не дают на него своей тяжестью, не берут его в плен, а сами подчиняются его творческой железной логике.

С. А. Жебелев в своей небольшой по размерам статье не ставил себе задачей определить все значение сделанного им открытия. Но тем не менее отметил, что этот новый факт заслуживает подробного истолкования, и тут же прибавил, что «восстание скифских рабов на Боспоре представляет особый интерес как первое революционное восстание угнетенных против их угнетателей в античных колониях на территории СССР» (там же, стр. 71).

Так, несмотря на отказ от «истолкования» факта, С. А. Жебелев в своей статье попутно делает ряд штрихов, направляющих к самому естественному толкованию его открытия.

Он указывает на то, что это восстание было не единичным, а лишь одним из звеньев длинной цепи рабских восстаний, которые вспыхивали, а иногда и были очень грозны в последней трети II века, и что успех этого восстания объясняется тем, что все туземное население, может быть, за исключением верхов, оказалось сплоченным в своей вражде к господствующему и эксплуатирующему скифов классу (там же, стр. 69), что большое число сторонников восстания из туземного населения создавало угрозу самому Понтийскому царству (там же, стр. 66); так победа восставших и образование на месте рабовладельческого Боспорского государства «варварского» государства скифов «влекло за собой крушение того социального и экономического уклада, на котором покоилось самое существование Боспорского государства» (там же, стр. 55), т. е. рабовладельческого строя. С. А. Жебелев приводит несколько фактов, где его предположения уже успели стать реальностью. Он указывает на то, что скифы, жившие и действовавшие до середины II века вразброд, с этого времени начинают объединяться и образуют в Крыму Скифское государство во главе с царем Скилуrom. Политика этого государства заключалась в том, чтобы вытеснить греков с приморской полосы, и скифы начали борьбу с теми, кто их долго угнетал, борьбу планомерную и последовательную (там же, стр. 54). Восстание рабов в Боспоре грозило объединением скифов и eo ipso становилось опасностью не только для одного Понтийского царства.

Все эти события, как указывает С. А. Жебелев, совершаются в обстановке оживления варваров в южнорусских степях. С обрисовки этого положения и начинает автор свою статью. Он указывает на то, что в последнее десятилетие II века до н. э. последний представитель царской династии в Боспоре Перисад, не будучи в состоянии защитить свое государство от усиленно нападавших на него варваров, передал власть Митридату Понтийскому. Другими словами, Перисад сделал попытку объединить два государства для борьбы с варварами. А так как оба эти государства были государствами рабовладельческими, то, следовательно, факт их объединения есть попытка самозащиты рабовладельцев против надвигающейся с севера угрозы, идущей от тех самых скифов, которые до сих пор и были источником рабской силы, поддерживавшей своим производительным трудом существование рабовладельческих государств на юге нашей страны.

Так, даже не ставя себе задачи полного объяснения сделанного открытия, С. А. Жебелев сам указывает на те выводы, которые вытекают из его собственных наблюдений.

Статья С. А. Жебелева прозвучала, как сигнал. Смысл этого призыва поняли прежде всего его ученики. Не могли не откликнуться и историки славянства и, в частности, восточного славянства, преемственно связанного с племенами скифскими.

Получилась возможность широкого построения судеб нашей страны в далекий докиевский период ее истории в связи с ролью варварского мира в Европе, получилась возможность осмысления того темного периода нашей истории, который предшествует нашему феодальному средневековью.

Уже в статье С. А. Жебелева намечены характерные особенности этого периода. Это борьба рабовладельческих государств с варварами, начинавшими выходить из рамок первобытно-общинного строя и организовываться в примитивные государства.

Энгельс определил смысл и итоги этой борьбы. Варвары омолодили рабовладельческий мир. Родовой строй, в дальнейшем своем развитии давший общину-марку, был тем «таинственным волшебным средством», которое вдохнуло новую жизненную силу в умирающую Европу. Энгельс здесь имел в виду роль германских варваров по отношению к Римской империи. Но тот же Энгельс, говоря о судьбах европейских рабовладельческих обществ, указывает не только на германцев, наступавших и опрокинувших эту рабовладельческую систему, но и на славян, которые продолжали это дело, так сказать, с другого конца, на другой территории, на территории Восточной римской империи.

С. А. Жебелев своим исследованием раскрыл, как подготовлялось это наступление варваров с их общинным строем на рабовладельческие общества европейского и ближнеазиатского Востока задолго до появления на сцену славян. Он подчеркнул первостепенную важность изучения варварского мира южнорусских степей, несших в себе молодые и животворящие силы на смену зашедшей в тупик рабовладельческой цивилизации.

Акад. Б. Греков

Биография академика Сергея Александровича Жебелева и список его печатных трудов

Сергей Александрович Жебелев родился в Петербурге 23 сентября 1867 г. Среднее образование получил во 2-й классической гимназии, где окончил курс в 1886 г., после чего поступил в Петербургский университет, на историко-филологический факультет, который окончил в 1890 г. и был оставлен при Университете по кафедре классической филологии. Учителями С. А. Жебелева в университете были профессора Ф. Ф. Соколов, В. К. Ернштедт, В. В. Никитин, И. В. Помяловский. Педагогической работой Жебелев начал заниматься еще в гимназии, давая частные уроки.

С 1891 по 1903 г. Сергей Александрович преподавал историю в Центральном училище технического рисования Штиглица, с 1894 по 1905 г. был профессором истории древнего искусства в Высшем художественном училище при Академии художеств.

В Петербургском у-те С. А. Жебелев преподавал сначала в звании приват-доцента, затем профессора с 1899 по 1927 г. Там же С. А. занимал административные должности: секретаря факультета (1905—1909), проректора университета (1911—12), декана факультета (1918—1919), ректора университета (1919). С 1891 по 1903 г. был хранителем Музея древностей при У-те. С 1894 по 1918 г. состоял секретарем классического отделения Русского Археологического общества. С 1903 по 1918 г. был редактором отдела классической филологии ЖМНП. С 1909 по 1921 г. состоял профессором Филологического ин-та. В 1920—1921 гг. — зам. заведующего Комитетом по охране памятников искусства и старины. В 1919 г. С. А. был избран членом вновь учрежденной Академии истории материальной культуры и состоял им до преобразования Академии в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР. С 1923 по 1928 г. С. А. состоял товарищем председателя Академии истории материальной культуры. В 1920 г. С. А. состоял председателем Совета Государственного Эрмитажа.

В 1914 г. С. А. Жебелев был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1927 г. — действительным членом Академии, где и работает в настоящее время в Институтах истории, истории материальной культуры и языка и мышления.

Во время своих путешествий за границу С. А. изучал памятники античности в Греции, на островах Эгейского моря, в Малой Азии, в Италии и важнейших музеях Европы. В СССР Жебелев изучал античные древности на северном побережье Черного моря. В Греции, Италии, на островах Эгейского моря и в северном Причерноморье С. А. Жебелева посетил главные места раскопок.

Под влиянием лекций и занятий проф. Соколова С. А. Жебелев еще со студенческой скамьи стал особенно интересоваться греческими надписями, и большинство его работ посвящены исследованию этих памятников. На них же построены и диссертации С. А. Жебелева: кандидатская («Религиозное врачевание в древней Греции», 1893), магистерская («Из истории Афин 229—30 г. до н. э.», 1898) и докторская («В области древностей провинции Ахайи», 1903). Рано С. А. начал интересоваться и классической археологией. При своих занятиях античностью С. А. Жебелев старался использовать все виды сохранившихся ее памятников и строить свои розыски на исследовании конкретного материала.